

## АКСЕН СУСЕЕВ

### СЫН СТЕПЕЙ

Отрывок из поэмы

#### ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

На дверь тюрьмы смотрели пулеметы;  
Брехали псы; еще не рассвело;  
Пять всадников вдоль улицы, наметом,  
Пересекли притихшее село.

«Ура!» могучим хлынуло прибоем,  
Повторенное в отзвуках стократ,  
Оно смешалось с криками, стрельбою,  
Тяжелыми разрывами гранат.

И те, кто дыбом всю станицу поднял,  
В толпу казаков врезались — они  
Бежали по селу в одном исподнем,  
Скакали, ошалев, через плетни...

По лицам белых, ужасом сведенным,  
Они сошли за армию вполне —  
Те пятеро товарищей с Будённым  
На белом, словно утро, скакуне.

Белоказаков по степи рассеяв,  
Бойцы селом уже в рассветный час  
Скакали рядом. Множество трофеев  
Буденному досталось в этот раз.

Тюрьму взломали, двери с петель скинув,  
И узники вздохнули, наконец.  
От радости заплавав, вышел к сыну  
Сидевший там Буденного отец.

«Пора к своим приспела ехать — утро ж.  
И белые опомнились небось».  
Забрав с собой оружие и упряжь,  
Буденный в степь направил свой обоз.

Навстречу бьет степной студеной ветер...  
Буденный повернулся на скаку —  
Неподалеку всадников заметил.  
Всмотревшись, он узнал в одном Оку.

\* \* \*

Пойдемте, мой читатель благосклонный,  
Посмотрим вместе раннюю весну.  
Ее приметы выберем влюбленно.  
Пока морозец утренний блеснув,

Дыханье студит, щиплет нос и уши;  
Пока поземка стелется; пока  
Мы с вами долу клонимся послушно,  
Когда пурга летит на рысаках.

Еще зимы во всем, во всем заметны плутни,  
Еще над сирым тешится зима,  
Но подождем: развертит пополудни —  
Угомонится снега кутерьма.

Державший прежде лошадей с санями,  
На речке треснет посиневший лед,  
Осядет снег тяжелый под ногами,  
И сразу степь весной на нас пахнет.

Повеет ветром ласковым и южным,  
Подует вешним, влажным, низовым;  
Лучами солнца разлетится дружно.  
Пойдет играть по склонам снеговым.

Как зеркала, низины заблестят.  
Тропинки, кочки, галочки следы —  
Сквозными станут, вымокнут, подтают:  
Прольются первой струйкою воды.

Придут всему назначенные сроки,  
Вода оставит ледяной приют:  
Капель в ручьи, ручьи войдут в потоки.  
Потоки в реки с шумом побегут.

И вот уже, овраги заливая,  
Природу пробуждая ото сна,  
Идет она — большая, зарева,  
По всей земле,  
По всей стране,  
Весна!

Покров свой степь на праздничный меняет  
Травой зеленой устилая путь,  
Идет весна,  
И свежесть осеняет,  
И радость наполняет вашу грудь.  
Идет она

В цветенье, в птичьем гае,  
Теплее и погожей день за днем...  
Но есть, читатель мой, весна другая,  
Ее мы революцией зовем.

Немалые заботы отягчали  
Великую Россию с давних пор:  
Легли за ней невзгоды и печали,  
Необозримо, как ее простор.  
Земля отказывала в крохах,  
Земля в тоске, Земля занемогла,

Земля стонала, мучась каждым вздохом,  
Земля давно весны своей ждала.  
Пришла она наперекор погоде.  
Октябрь — (осенний месяц испокон)  
Весенним стал. Октябрьским половодьем  
В России смыло шаткий царский трон.

Как в половодье, вспененные воды,  
Свободы знамя поднимая ввысь,  
России угнетенные народы  
За старшим русским братом поднялись.  
И календарь веков переиначив,  
Не дав природе отойти ко сну,

Рабочий класс осенней ночью начал  
В России человечества весну.  
Любой народ, который был унижен,  
Который был в стране своей чужим,—  
На целое столетье к солнцу ближе  
Земли своей приблизил рубежи.  
За светлую мечтою поколений,  
Наперекор стихиям и врагам,  
Большой водой великий кормчий Ленин  
Повел корабль к счастливым берегам.

## ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Волнуясь жены, матери, невесты,  
Мужчинам, собиравшимся в поход, —  
Возьмите нас,— кричали,— будем вместе!  
Грузили скарб, вели к обозу скот...

«Пусть худо будет — только б ни разлука.  
В какой бы край судьба не завела —  
Все ж вместе — лучше». Белые, по слухам.  
Теперь уж недалеко от села,  
И заскрипел обоз, взимая в воздух  
Густую пыль. И от родной земли,  
Держась рядами около повозок,  
Станичники печально побрели.

На них глядели брошенные хаты.  
Рвались домой коровы в горячах,  
От матерей отставшие телята,  
Блуждали полем, жалобно мыча.

В Зимовниках, Мартъме, в других аймаках.  
Прошел уже о партизанах слух:  
«Повстанцы Сал реки большим биваком  
Раскинулись у станции Гашун».

Сходились вместе жители хотонов:  
«Буденный где-то близко — говорят».  
Все, сколько было пеших там и  
конных,  
Направились к Буденному в отряд.

От Гашуна недалеке подводы  
Остановились. Сотнями телег  
Пестра равнина, тысячи народа  
Расположились в поле на ночлег.

Над ними небо сине и высоко.  
Порою ветер высвистывает в логу,  
Порою заяц, мимо легким скоком,  
Промчится, оглянувшись на бегу.

Тут — беженцы и войско, тесно сгрудясь,  
стоят бок о бок; тут едят и спят.  
Вон — мальчуганы у колес орудий.  
К снарядам подобраться норовят.

К оружию тянет сорванцов-подростков,  
(Еще не воевавших, до поры),  
Но матери погнали их к повозкам,  
С проклятием хватая за вихри.

Вон — милый облик женщины кормящей,  
С ребеночком, сосущим, на руках.  
Она присела на снарядный ящик.  
На грудь спустилась прядь с ее виска.

И тут же мальчуган неугомонный,  
В кругу восторженных ребячьих лип,  
Похвастал им винтовочным патроном,  
И в колесо засунул между спиц.

Приставив гвоздь к пистону деловито.  
Он молотком отважился — взмахнул...  
Дымком горящим колесо повито,  
Как из винтовки, выстрел громыхнул.

Друзья бежали (здорово струхнули),  
А он не струсил: гильзу достает,  
Достал — глядит... Куда девалась пуля,  
Никак мальчишка храбрый не поймет.

Бадин Харти смеется: «Признак верный —  
Уж если с детства смелый, будет прок».  
— Богатырем расти тебе, наверно.  
— Откуда родом будешь, паренек?

— Из Куборле, — ответил он толково,  
— Хотел спросить... Но тут уже и сам  
— Легко узнал в военном Канукова —  
— Начальника зунгарских партизан.

От мальчугана ничего не скроешь.  
Ведь в Куборле у них, спроси приди,  
Любой мальчишка слышал о героях,  
О партизанах храброго Харти.

Уже померк закат, алевший кровью,  
Умчался ветер резвый на ночлег.

Неслышно ночь приблизилась к становой.  
Харти стоял вблизи чужих телег.

О чем он думал? Сразу не ответить,  
Сказать бы проще было — обо всем.  
О детях думал: «Подрастают дети,  
С рождения крещенные огнем...

Войну закончим, будет нам полегче,  
Отдыхимся — о чем тогда тужить...  
И только раны все свои залечим,  
Хорошую для них построим жизнь!»

Взглянул Харти на небо в ярких звездах.  
И не от грусти, может быть, а так —  
Вздыхнул, хватив ноздрями тонкий воздух,  
Достал из куртки трубку и табак...

Мелькнуло в поле много красных точек!  
Курили — думы... Спать не в моготу...  
Вот рядом с ним такой же полуночник,—  
Ока глядит куда-то в темноту.

На плечи тихо положив ладони,  
Харти Оку участливо спросил:  
—О доме вспомнил, о родном хотоне?  
О чем, скажи, приятель, загрустил?

Ока молчал и, кажется, не очень  
Хотел вести сердечный разговор:  
Он вспомнил, что клинок еще не точен,  
А завтра к бою должен быть остер...

Задумался, прошелся — медлил что-то.  
Еще прошелся, но не уходил.  
Потом достал завернутое фото,  
Показывая, спичкой посветил.

В ее коротком желтоватом свете,  
Харти увидел: двое калмычат  
И женщина — его жена и дети.  
Он улыбнулся: «Есть о ком скучать».

—Таких,— Ока сказал,— на свете тыщи,  
Что б им жилось спокойней и вольней,

Оставили мы надолго жилища,  
На боевых своих садясь коней.  
Когда я вышел из дому к порогу,  
В поход коня лихого оседлать,  
Меньшая дочь, как взрослая, в дорогу  
Вот этот снимок попросила взять.  
Я дочерей своих покрепче обнял,  
Подарок взял. Теплом его согрет  
Помчался в бой — они стояли обе  
И долго, долго мне махали вслед».

\*\*\*

Со стороны Зимовников с полночи,  
Спугнув кочевья первый чуткий сон,  
Орудия противника грохочут,  
Снаряды рвутся с четырех сторон.  
Беседу оборвав на полуслове,  
Расстались командиры. Есть приказ:  
«К атаке эскадроны подготовить.  
И ждать сигнала, не смыкая глаз!»  
В полученном приказе говорится,  
Что белые готовятся пока,  
Стремясь отрезать ветку на Царицын,  
Подтягивают лучшие войска.  
Достойные посты по всей округе  
И чтобы с фланга не ударил враг,  
Она велит не ослаблять подпруги,  
Всему отряду быть на стременах.  
Бессонницей глаза не замутило —  
Глядят остро. Орлом взлетел Ока:  
Как изваянье на коне застыл он  
На заревой высоте Гашуна.  
(Заря над степью понемногу брезжит)  
Наган светлеет на его боку,  
У зорких глаз Ока бинокль свой держит.  
Висит клинок, где должно быть клинку,—  
Пока что в ножнах, зорькой позолочен,  
А рукоять сверкает, как рубин,  
К луке седельной крепко приторочен  
Кавалерийский легкий карабин.  
Надежен конь: едва поводья тронув,  
Ока стрелой с бугра слетает вниз;  
Гарцует лихо перед эскадроном.  
Скакун под ним играет, норовист.  
То грудью, то бочком — попеременно,  
Он выступает, будто на смотру,  
Косится глазом бешено, и пена  
С горячих губ слетает на ветру.  
Лихую хватку, видно, чувствует, шалый.  
Как ночь, черны усы у седока,  
Украшена папаха лентой алой.  
Как будто влит в седло калмык Ока.  
Вот конь застыл, прислушался к  
поводьям...  
Ока легко привстал на стременах —  
Глядит, биноклем неспеша поводит:  
Там, за оврагом, где-то скрылся враг.  
Вдали, за дымкой, напрягая зренье,  
Ока казаков конных рассмотрел.  
«Как будто начинают наступленье?  
Сейчас откроют снова артобстрел».  
Зарницей дальней вспышка огневая  
Сверкнула. Гулкий покотился гром,  
И, друг у друга место отнимая,  
Разорвались снаряды над бугром,  
Там, где стоял Ока минутой ране.

.....  
Казаки скачут в солнечных лучах,

Он видел, как клинков сверкали грани,  
И офицера ясно различал;  
Он первым строя расчленил порядок  
И лава вся пошла за вожаком.  
— «За мной!» — Ока скомандовал  
отряду,—  
Хлестнул коня, пустив его прыжком.  
За командиром конники помчались,  
«Ура!» степную огласило даль;  
Два конных войска встретились, смешались,—  
Со звоном, крепко сшиблась сталь о сталь.  
Тот офицер к Оке рванулся яро,  
слепая злоба челюсти свела,  
Но под его стремительным ударом  
Белогвардеец свесился с седла.  
А вслед за ним, коням воротят храпы,  
Чтоб подойти к Оке с другой руки,  
Калмыки Мангатов и Шарапов,  
Ковудские казаки — беляки.

Но и они, и весь отряд их, скоро,  
Как будто стая вспугнутых ворон,  
Домой бегут, в Стояновку, с позором.  
Их бьет и гонит красный эскадрон.  
Но прежде войска — вести по аймакам  
Летят, отняв у богачей покой:  
«Идет Буденный, с ним — лихой рубака,  
Из Буурула родом, звать Окой!»